

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ИЗ
КРА
С
А
С
А
С
А

Илья Соколов

Илья Соколов

Красавчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41292789

SelfPub; 2019

Аннотация

В желтом доме номер 16 живут пятеро друзей. И происходит с ними разное: то страшное, то смешное. То хорошее, то плохое... Парни, девушки и магия сна. Загадочная обыденность всего окружающего. Потому что их жизнь – рокировка в длинную сторону реальности при всех невозможных условиях. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Введение в неведение	5
Начало трансляции	7
Короткая реальность	21
Утро. Завтрак. Тараканы	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ибо, кто слушает слово и не исполняет, тот подобен человеку, рассматривающему природные черты лица своего в зеркале: он посмотрел на себя, отошел и тотчас забыл, каков он.

Апостол Иаков, 1 : 23, 24

Введение в неведение

Девчушка лет 11-ти возвращалась от подружки. Вот район, в котором она жила. Вот её многоэтажка. А вон там её окна. Которые сейчас горят, полыхают, сгорают, как стопки осенних листьев, считаемые малоэстетичным мусором.

Лоджия объята пламенем тоже. Из окон квартиры валит чёрный дым, накидываясь на соседние (верхние) этажи, взмывая к жаркой осенней луне. Перед домом пожарные машины, мигание огней, но уже электронных. Огнеборцы честно пытаются отрабатывать зарплату...

Девчушка чуть не плачет. Начинается дождик. Она не знает, что ей делать теперь. Её жизнь сгорела?! Где мама и папа?!

Солидный офицер органов правопорядка (толстый, лысоватый дядька с усами) насколько мог мягко и доходчиво объяснил ей, что родители её сгорели внутри квартиры. Скорее всего, это был несчастный случай. Задохнулись угарным газом. (Сказать по правде, папуля всегда любил эксперименты с *призывом*, где нужен открытый огонь.)

Ночь уже засверкала над головой. Растрёпанные волосы и рюкзачок за спиной намокли от дождя.

«У тебя ещё есть родные? Хоть кто-нибудь?» – вопросы совсем издалека.

Девчонка сразу вспомнила про свою бабушку. Добрая пожилая шаманка правды будет рада любому обществу, учитывая её одиночество в данный (заключительный) момент «долгого перехода». Нужно ей позвонить.

– Соболезную тебе, – проямлил офицер, слегка странно глянув на девчушку с намокшими белокурыми волосами. Конечно, очень красивая. Соблазнительная уже в столь раннем возрасте.

«Такая жизнь теперь её ждёт...»

Она стояла под проливным дождём, взявшимся будто из ниоткуда. Слёзы текли по её личику, но на фоне прозрачных капель это было почти незаметно.

Огонь уже не пылал, мучительный и страшный. Лишь плотная завеса дыма из окон квартиры в многоэтажном доме прикрывала весёлую луну.

Начало трансляции

– Займёмся чем-нибудь? – заговорщицки спрашивает симпатичная брюнетка с по-настоящему идеальными ногами, слегка склонившись над кроватью, на которой сидит Красавчик и смотрит в её по-настоящему прекрасное личико не моргая.

Сахар специально так встала, чтобы можно было рассмотреть её шикарную грудь через вырез розовой блузки, подвязанной краями в бантик над пупком.

Парень глядит ей в глаза. Левый глаз у Сахара зелёный, а правый – голубой. Её прямые чёрные («вороньи») волосы забраны в пучок на затылке. Это ей очень идёт. Сахару вообще всё очень идёт.

Даже такие просьбы:

– Поцелуешь меня в серое? А потом поделишься со мной всем при поцелуе...

Красавчик влюблён. Сахар красива. Больше ничего и не нужно? Девушка сложила губки бантиком, а затем эротично их облизнула.

– В «серое» поцеловать? – неожиданный Август крепко обхватил её за талию. – Я так полагаю, что в серое вещество? – Он жарко прижался к брюнетке. – Брось, Красавчик не станет вскрывать тебе череп, чтобы достать до мозга. Если он

есть.

– Отстань, гомик несчастный! – Сахар вырвалась и демонстративно удалилась на балкон, в тёплый холод только-только начавшейся осенней ночи.

– Испортил тебе развлечение? – Август: шутливо (и как бы хвалясь).

– Нет, – Красавчик: насмешливо плюс кратко, поднимаясь с кровати. – Как думаешь, она там курит? – он указал на балконную дверь. Август помотал в задумчивости головой. Шипы пирсинга, закреплённые на черепе под прямым углом (и делавшие Августа похожим на Пинхэда), весело затряслись, разнося положительную ауру по комнате.

– Не знаю... Я её с сигаретой во рту не видел, – отозвался парень, прошёл мимо Красавчика к лестнице.

У Августа русые волосы. Он всегда стрижётся коротко, практически под ноль, и «лепит» на голову пластиковые или железные «протезы волос» (напоминающие гвозди, растущие из-под кожи). У него тёмно-зелёные глаза, которые всегда блестят радостью и немного грустью. А ещё у Августа 6 пальцев на левой руке. Патология. Август, кстати, «голубой». Но не то чтобы совсем уж.

«Пойду телек включу. Может, сигнал снова появится. Скоро все соберутся... А Лилианна опять потерялась, что ли?»

Красавчик слышит, как внизу Август зовёт Лилию. Становится тихо. Заработал телевизор, стали слышны какие-то

стоны вперемишк с жуткой бранью и криками. Значит, сигнальчик из Пекла сегодня прошёл. Хорошо.

Кстати, Красавчик всегда хотел на кого-нибудь походить. Быть похожим внешне на что-то лучшее...

Парень выходит на балкон. Сахар локтями оперлась на деревянные перила. Повернувшись, смотрит на друга. Красавчик делает страшную рожу, становясь похожим на монстра.

– Напугалась? – он возвращает своему лицу прежний вид, мило улыбается.

– Сочувствием люди делают уродам только хуже... – с грустью в голосе сообщает Сахар. И плюёт на асфальтовую дорожку под балконом. Комок её слюны чуть не попадает в Лжеца. Тот как раз спешил «домой», можно сказать.

– Воздух! – выкрикивает Красавчик, Лжец смеётся.

– Буду в следующий раз подходить с другой стороны.

Он заходит в дом.

– Наконец-то мы одни, – нарочито томно молвит Сахар, обнимает парня, дерзко хватая его за задницу. – Не волнуйся. Я не сделаю тебе больно, – её пальцы настойчиво врезаются в его плоть. – Снимай эту свою куртку. Сейчас она тебе ни к чему.

Сахар приближает свои губы к лицу Красавчика и говорит:

– Я всегда хотела стать самой любимой леди на Западе.

– Этот титул уже принадлежит *той единственной*. – Мягко произносит парень. – Но ты всё же лучше. Для меня.

– Ну, хоть за это спасибо, «мистер Восток». – она убирает свои руки с его задницы. И полностью выходит из роли. – Талантливо получилось, правда?

Очередная мини-репетиция завершилась. Всё дело в том, что Сахар (при своей роскошной внешности) мечтает стать знаменитой актрисой. Кинозвездой.

Или диктором погоды.

Очень хочет, чтобы все на неё пялились и хотели трахнуть. Мужики бы представляли то, как она им делает минет в машине, в бассейне, перед полыхающим камином, в сотнях других мест. А потом они её имеют.

Сахар называет это славой.

У неё есть все задатки. Только вот она бы хотела задницу чуть побольше.

– Вот в этом я – неотразима, – произносит она с гордостью и спускает свои розовые обтягивающие джинсики до колен. Сахар в стрингах чёрного цвета. Пусть это совсем не контрастирует с её немного смуглой кожей, но смотрится просто великолепно.

Красавчик словно под гипнозом.

Девушка плавно поворачивается к нему спиной. От чёрной линии вдоль её копчика вниз тянется такая же чёрная линия. Она тонкая и почти не заметна промеж упругих ягодичек девушки. Сахар подаётся вперёд и выгибает спину.

– Можешь смотреть на всё, но руками трогать нельзя, – игриво предупреждает она, глядя на Красавчика через пле-

чо. «Фотография» города, чётко видимая с балкона, выполнена словно на киберкартонке. Текстуры плоские и застывшие.

– Как думаешь, за нами наблюдают? – осторожно спрашивает парень. – Возможно, нас сейчас подслушивают.

– Да ладно. Ещё скажи «подчитывают». Впрочем, в каждом доме есть «адские компоненты», – компетентно сообщает Сахар, снова облакачиваясь на перила. – Только не в этом. Здесь *мы* смотрим на них.

– Знаю. Так и есть... – кивает парень. Девушка, протянув руку, нежно проводит по его щеке кончиками пальцев. Розовые джинсы так и висят на её соблазнительнейших коленках.

– Меня очаровали твои прелестные трусики, – громко говорит Лжец. Он наблюдал за всей этой «эротической» сценой из глубины тёмной комнаты, тихо сидя на кровати.

– Я не могу успокоиться! – почти смеясь, уверяет Лжец девушку. – Я влюбился в тебя всей душой и частично телом! Не дай мне умереть от безутешности... – а дальше он начинает кривляться, изображая безумно влюблённого идиота.

Сахар саркастически скривила губы в подобии милой улыбочки. И надела свои джинсы обратно, застенчиво скрывая чёрные стринги. Она выходит с балкона. Красавчик следует за ней.

На улице осталась лишь одна ночь. Ну ещё луна и ранняя осень. Вот, пожалуй, и всё, что осталось на улице.

Жёлтый дом номер 16, который стоит на окраине горо-

да, окружён низенькими деревянными хибарами и бараками. Они все заброшены. Только бездомные и неоновые наркоманы изредка ютятся в них, надеясь на приют и пару крупиц тепла. Но ничего этого нет среди полуразваленных домишек.

То тут, то там пылает жёлто-красной листвой какое-нибудь старое дерево. По разбитым асфальтовым дорогам в этом районе никто не ездит. Да и незачем. Место-то мёртвое (но не совсем). Само собой, оно прославлено парой убедительных историй о привидениях, о дырах в Преисподнюю и о возможной встрече с Дьяволом (не пойми что делающим в этих местах).

Сюда редко кто заглядывает, но Жёлтый дом номер 16 по такой-то улице по-прежнему жив. Он как пенсионер. Лучшие годы позади, но жизнь всё-таки продолжается...

В доме два устойчивых этажа, подвал и чердак. Подведён газ, есть электричество и водопровод... Это дом бабушки Лилии. Её наследство. Она же регулярно высылает внучке приличные суммы, что обеспечивает безбедное существование не только для Лилианны, но и для всех её друзей.

Жёлтый дом номер 16 деревянный и рассохшийся. Краска снаружи заметно пооблетела, словно листва с умирающего дерева, которое всё равно готово встречать новый сезон года. Зато крыша не протекает. И соседей нет.

Пять человек в Жёлтом доме номер 16 по такой-то улице крайне довольны всеми вышеизложенными обстоятельствами.

Они все – ровесники. Конечно.

Они все – разного возраста. Наверняка.

Они все – психи. Возможно...

Им не нужен героин, каннабис, гашиш, кокаин, пейотль, экстази, лсд, фенамин, нембутал, юкодол, метадон, валиум, никотин, опий, алкоголь им не нужен. Им и так вполне хорошо.

– Ладно, достаточно тут торчать. Пошлите-ка вниз, – говорит Сахар, – глянем, что там происходит.

Август сидит на тахте в так называемом холле. Он пялится в телевизор, по которому показывают Ад. Лжец, Сахар и Красавчик спускаются по лестнице.

Дело в том, что эта лестница выполнена с необычным подходом. Почему-то по ней трудно спускаться, но легко подниматься.

– Предлагаю назвать группу «Ступень Свободы». – Осторожно (с сомнением) произносит Лжец. Его спутники отрицательно мотают головами, словно марионетки со сломанными шеями. Лестница слегка скрипит.

Лжец – музыкант по происхождению. Он прилично играет на гитаре даже в не очень-то приличном виде/состоянии. Сочиняет песни, пишет музыку. Его длинные тёмные волосы убраны в хвост, отлично дополняющий общую картину внешности парня. Лжец считает, что у рок-музыканта непременно должны быть длинные волосы. Обычно он носит чёрные сапоги, брюки такого же цвета, белую рубашку (чуть ре-

же – футболку) и лёгкую чёрную куртку.

Лжец всегда придумывает название для своей будущей группы. А ещё у него постоянно мелкие порезы на руках. Он не помнит, откуда они появляются.

– Всё в телевизоре – обман, – негромко утверждает Август, покачивая «шурупам» на голове. – По-настоящему в мире нет Ада. В эфире существуют милые улыбки, добрые слова. Радость на лицах. Всё напоказ, и товар, и польза от него.

Сахар и Красавчик садятся (девушка на парня) в кресло, что мирно стоит у дальней стены. Лжец идёт на кухню. В доме привычно темно.

«Вот ведь парень. Он – как актёр из эпизода. Но всё равно мне определённо нравится. Он:

1. Симпатичный.
2. С чувством юмора.
3. Дружелюбный.

Красивая, я лучше всех. Хочу быть знаменитой, самой заметной... Я суперсекси! О, да! Я самая классная.

4. Симпатичный.

Лилианна его совсем не любит...»

В телевизоре показывали мерзкую драку грешников в каких-то доспехах из осколков костей. Лжец вернулся с чашкой чая, уселся на пластиковый стул, сворованный с веранды летнего кафе.

На экране герои адской сцены кроваво быют друг друга.

Вокруг них – мягкая темнота. Такая же, как здесь.

– «Удар под дых», – произносит Лжец задумчиво. И отпивает из кружки.

– Не-а! Рок-группе нужно несколько другое название, – замечает Август.левой (шестипалой) рукой он подпёр шипастую голову. На экране искрится всеми любимая реклама.

– Наша жизнь такая же. Мимолётная и, в сущности, однообразная по своей фактуре. Как бесконечный рекламный блок. – Зачем-то замечает Лжец, сонно зевнув. Похоже, что чай его сегодня совсем не бодрит.

– Бог. Вот он точно как реклама. – На втором этаже появилась блондинка (должно быть, спустилась с чердака). – Что мы обычно делаем с рекламой?

Все смотрят на неё.

– Переключаем канал, – произносит она уверенно. – Люди у телевизора терпеть не могут, когда фильмы прерываются из-за рекламы. Правда ведь? Но если им нужно что-нибудь купить...

Блондинка с короткой стрижкой «под мальчика». На её миловидном личике – «творческий грим». Чёрным косметическим карандашом нарисованы линии. Две вниз, будто слезинки, которые пролились ровно посередине, а ещё две отходят под углом из краешков рта.

Эта девушка и есть хозяйка дома. Лилия. Лилианна.

– Удался новый шедевр? – брюнетка Сахар с интересом глядит на холст, что повёрнут «затылком» ко всем, кроме

Лилии. Она художница. Весь дом усеян, завален, завешан её картинами.

«Лилия просто озабочена смертью. Я, кажется, люблю её...»

Музыкальный паренёк Лжец не сводит с блондинки взгляда своих синих глаз. Тихий дымок поднимается из чашки с чаем.

– Друзья нужны, чтобы от них отдыхать.

Лилия выговорила эти слова немного устало.

– Наша Пикассо утомилась? – объявил Лжец и допил чай резким залпом.

– Ну давай, показывай. Что там у тебя? – подал голос Кра-савчик. Парень хотел видеть новое творение подруги-художницы.

– Мы требуем, чтобы искусство принадлежало народу. – Август наконец отвернулся от мерцающего экрана. У Лилии все руки были испачканы масляной краской. Она повернула холст лицевой стороной к зрителям. Те оценили эту работу крайне высоко. К примеру, Лжец сказал:

– Прекрасно... Действительно прекрасная картина. Как вон там сочетаются краски! А вот здесь глубина цвета гипнотически затягивает в себя! Гамма, палитра... Идеально! Это шедевр. Ше-де-вр.

Лилия держала в руках чистый холст. Картина была по-настоящему великолепна. Её не было вообще.

Август даже (картинно) заплодировал. К нему присоеди-

нились остальные.

– Всё! Хватит! Аплодисменты – стадный рефлекс, – хозяйка дома начала спускаться по «неправильным» ступеням. Она прислонила свой так называемый «шедевр» к тёмно-жёлтой стене. Краска давно высохла и частично облетела не только снаружи дома, но и внутри. Впрочем, кое-где имелись старинные обои (тоже желтоватого цвета). Они ещё не совсем отвалились.

Лжец вполне обоснованно предложил слово «Пустота» в качестве имени для группы. Опять что-то не очень удачно.

Кино из Преисподней продолжалось. Лилианна сходила на кухню и смыла там свой (Лик Смерти) «образ художницы». Её картины валялись под столом, помещались за холодильником. Одна даже была прибита к потолку. На этом полотне виднелись две рыбы в форме инь-янь.

Лилия в шутку называет свои произведения «красочные проказы». Её причёска напоминает птичье гнездо. Главное, что ей это очень идёт. Лилия почти всегда одета в джинсовый костюм чёрного цвета. Всегда, когда пишет картины. Сейчас на ней ещё и голубая (под цвет глаз) футболка. Рукава джинсовой куртки закатаны как попало.

Хозяйка Жёлтого дома номер 16 присоединилась к просмотру адской телетрансляции. Перед этим она выключила свет в холле, стало совсем темно. Голубоватый экран, мягко мерцая, освещал лицо Лилианны так, что был виден шрам, тоненькой бледной линией лежавший у неё на щеке. Она на-

зывала его «подарком из детства». Шрам совсем не портил эту девушку. Пусть она была немного худой (и уступала Сахару в объёмах форм), но красота её являлась какой-то ангельской, чудесной, сияющей, неповторимой навскидку...

– Август, смотри! – Сахар не отрывала своего «разноглазого» взгляда от экрана. – Вон на том мертвеце терновый венец из гвоздей.

– Ну да, – с сомнением вымолвил парень.

– Она о том, что у тебя примерно такая же внешность, – сообщила Лилия. – Но ты живой, конечно.

– Ну да, – вторил сам себе Август, стал снимать свои пирсинг-шпы с головы (ведь спать-то с ними не будешь).

Лжец уже задремал. Глубокая ночь сладко убаюкивала. Занавески на окнах мерно дышали свежим осенним воздухом.

– Эфир всегда такой слащавый, – Сахар (способная завести любого мужика) завела разговор.

– Ага... – кивнула Лилианна. – Я, кстати, пока на чердаке с картиной время проводила, о самоубийстве думала. Но не о своём, не пугайтесь... Размышляла о суициде в общем и целом. Когда кто-нибудь, кто угодно, себя убивает в мирное время, тогда про него, про неё ли, говорят, дескать, слабость проявил и всё в этом духе... Короче, сразу же кричат о важности утраченной жизни. Такой расход человеческих ресурсов просто невыгоден. Зато миллионы попадают в эфир и становятся участниками трансляции, если уходят из жизни

так, как нужно. Но какие же они все при этом уродливые. А вот ты – красавчик, Красавчик.

Лилия почти восхищённо смотрела на парня, «оккупированного» брюнеткой Сахар. Август тоже нежно глядел на друга. Тот улыбнулся всем в знак признательности.

«Но ведь Красавчик и вправду самый-самый...»

На экране же в это время проходили «тщательные выяснения». Ватага грешных душ, претендующих на лучшее место в эфире, расправлялась с горсткой каких-то страдалцев, которые вполне сносно справлялись с болью.

Как Лилия переключила на другой канал.

С экрана глядел человек. Внизу висела полоска с его именем и фамилией. Он что-то говорил о дезорганизации существующей власти, политически верных пропорциях и вроде бы о выборах предметов...

Лилия вообще выключила телек. Из глубины крошечной тьмы она тихо сказала:

– Бог – это цензор. Он решает, что можно, а что – нет...

По комнате неспешно шёл призрак, приветливо лоснясь голубоватым светом. Он медленно проплыл мимо тахты и остановился у окна в лёгкой задумчивости. После – привидение исчезло.

– Какой-то новый, – подметила Лилия. – Я его раньше не видела.

– Да...

Красавчик хорошо помнил всех привидений, которых ему

посчастливилось встречать в этом ненормальном доме. Сахар обвила руками его шею. Нежно чмокнула в щёку и предложила:

– Займёмся чем-нибудь?

Короткая реальность

Когда он открыл дверь, то совсем не ожидал увидеть её.

Его любимая стояла на пороге, а если быть точным во всём – на коврике для ног. Её по-настоящему идеальных, красивейших ног.

Эта девушка пристально всматривалась в его глаза из полутьмы лестничной клетки. Она была здесь, но её вообще не было.

– Можно зайти?

Не дожидаясь ответа девушка сразу прошла в квартиру, направилась на кухню. Песок на полу. Жёлтый след ночного одиночества. В темноте таился и таял его грустный взгляд. Тёмные волосы распущенны, розовая блузка застёгнута только на одну пуговку (аккурат промеж грудей), белая короткая юбка плотно обхватывает задницу, туфли на высоком каблуке тоже белого цвета.

Всё, что он успел рассмотреть в её образе на сегодня.

Они сели друг напротив друга. Их разъединяет один только кухонный стол. Темнота повсюду. В окне чернеет синее небо, заляпанное звёздами. Она говорит:

– Зачем я тебе? Я же почти шлюха. Эгоистичная, озабоченная только своей внешностью. Капризная стерва. Многие считают меня всего лишь давалкой, только и способной что

ноги раздвигать. Зачем я тебе?

Он молчит и смотрит на неё. Она говорит:

– Ты будешь согласен со мной во всём? У меня всегда будет много требований. К тебе, к другим. Требования, как у секс-террористки. Ты захочешь их выполнять для меня?

Она говорит:

– А если я не смогу любить тебя по-настоящему? Что тогда? Бросишь меня?

Он хочет что-то возразить, но она быстро снимает свои трусики и запихивает их ему в рот. Такой кляп легко его за-
тыкает.

Она говорит, но уже о другом:

– Надо не унижать людей, а самому становиться лучше... Вот твои друзья. Они же все как подставные лица. Им приходится быть теми, кем они кажутся тебе. Словно в шоу. В Жизни. Их жизнь – она такая. Притворная и обманчивая.

Он спокойно глядит ей в глаза. Они разного цвета. Левый глаз зелёный, а правый – голубой.

Она говорит, улыбаясь:

– Мне всегда становится смешно, когда на улице я вижу какую-нибудь красотку с аппетитными формами, которая выставляет их напоказ всеми возможными способами... Чисто символическое платье (желательно вообще просвечивающее), короткая (почти исчезающая) юбочка, отсутствие лифчика, туфли на шпильках и многое-многое другое. Будто больше её и полюбить-то не за что. Только за свою агрессив-

ную сексуальность она может заслужить чьё-то внимание? Больше никак?

Он ей не ответил. Трудно говорить, когда трусики/кляп у тебя во рту.

– Нам всем необходимо нравиться кому-то... Хотя бы даже себе.

Луна, по-телевизионному мерцая, освещает её лицо. Идеальное совершенство. Изгиб бровей; губы, будто сахарные; волшебные глаза; чудесный носик; длинные порхающие ресницы... Красота.

У неё отваливается правая рука. Симпатичные ушки ссохлись, стали напоминать смятую бумагу. Идеальные ноги и грудь начали крошиться, подобно кусочкам замысловатой мозаики. Прекрасное лицо девушки превратилось в уродливый слепок глины, коряво покрытый трещинами.

Она сказала:

– Красота проходит. Совершенство не вечно. Что-то прекрасное и идеальное непременно постареет. Потеряет свою былую притягательность. Всё это произойдёт когда-нибудь...

Девушка не может договорить. Её нет.

В дверь опять звонят.

Он идёт к ней, открывает.

На пороге – вполне себе реальная аргентинская «звезда мыльных опер». Мария Селесте Сид. В своём сногшибательном красном платье она неотразима. У неё короткая

стрижка. Мария Селесте Сид – жгучая брюнетка. Очень красивая.

– Можно зайти? – вопросец с акцентом.

Он не в силах ответить. Мешают трусики любимой.

Мария Селесте идёт на кухню, тихо ступая по песочному полу. Он следует за ней. Они садятся друг напротив друга.

Темнота повсюду. Луна с любопытством заглядывает в окно.

Мария Селесте Сид говорит:

– Любовь – это полноценное отрицание себя в пользу другого человека. Только человек, которого ты любишь, имеет значение. Ты – ничто. Тебя вообще нет. Никакого эгоизма. Любимый человек – это главное. Всё ради него. Всё из-за него. Когда эти чувства взаимны, это и есть любовь. Правда ведь?

Он медленно вынимает намокшие от слюны трусики изо рта.

И говорит:

– А что тогда ненависть?

Красавчика разбудил странный шорох на лестнице. Но на этот раз обошлось без присутствия призраков. Сахар зашла в его комнату. На ней не было ничего. Только чёрные стринги.

Вот что он бы не отказался запихнуть себе в рот.

Утро. Завтрак. Тараканы

Все внутри Жёлтого дома номер 16 давно проснулись. Лилия что-то готовила на кухне. Август опять занял ванную комнату. Он периодически бреет всё тело, как бодибилдер перед соревнованиями.

Иногда тяжело привыкнуть ко всему. Лжец и Сахар смотрели телек. Стандартная утренняя процедура. Опять показывали Ад. А вот к этому давно все привыкли.

Красавчик прошёл на кухню. Лилианна насыпала кофе в чашку, затем добавила туда сахар. Обе (не растворившиеся пока) субстанции лежали на дне в «инь-янь форме». Красавчик подметил это и спросил:

– Что для тебя любовь?

Девушка строго посмотрела на него, налила в чашку воды, помешала ложечкой и ответила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.